

10. *Беляева М. Е., Сорокин А. А.* Плетение изделий из растительных материалов у коряков : этногр. сб. / сост. Н. А. Воробьева. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2018. 34 с.
11. Родные напевы : нотиров. сб. коряк. фольклор. песен и родовых мелодий / в обраб. П. Яганова. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2010. 24 с.
12. Сюжетный подражательный танец «Яжъяж» («Чайка») / сост. М. Е. Беляева. Нижний Новгород : Тип. ИП Кузнецов, 2015. 32 с.
13. Фольклор народов Камчатки : из арх. Г. Г. Поротова / сост.: М. Е. Беляева, А. А. Гончарова. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2012. 64 с.
14. «Хочу в мифическую летопись вписать камчатскую строку!» : сб. фольклор.-этногр. материалов / сост. М. Е. Беляева, А. А. Гончарова. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2014. 184 с.
15. *Яганов П. А.* Неоконченная песня... : [этногр. сб. песен] / вступ. ст. М. Е. Беляевой. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2013. 44 с.

В. Е. Быкасов

ПОХОДЫ И. ЕРМОЛИНА НА ПОБЕРЕЖЬЕ ГИЖИГИНСКОЙ ГУБЫ

Аннотация. Статья посвящена походам служилых людей на Северо-Восток Азии в XVII в. Автор подробно останавливается на описании возможных маршрутов продвижения отрядов казаков; поднимает вопрос о несовпадении гидронимов и топонимов XVII в. с современными и полемизирует с принятой в исторической науке точкой зрения на данные проблемы.

Ключевые слова: Северо-Восток Азии, землепроходцы, казаки, Гижигинская губа, Чендон, Парень, Пенжина, Гижига.

Abstract. The article is devoted to the marches of the service class to the north-east of Asia in the XVII century. The author pays detailed attention to description of possible routes of the Cossacks detachments. He brings up the mismatch of hydronyms and toponyms of the XVII century with the modern ones. He polemicalizes with the point of view to these issues accepted in historical sciences.

Key words: north-east of Asia, explorers, Cossacks, Ghigiga Bay, Chendon river, Paren river, Penzhina river, Ghigiga river.

Анализ геоисторической ситуации, сложившейся на Северо-Востоке Азии в середине XVII в. показывает, что выходу отряда Ивана Ермолина на северное побережье Гижигинской губы предшествовало несколько походов служилых, промышленных и гулящих людей в сторону Ламского моря. В частности, в 1648–1649 гг. по Омолону, в поисках р. Погычи, отправился Иван Баранов, который открыл устье реки, названной по его фамилии Баранихой. Осенью 1657 г. на устье этой же реки прибыл отряд Федора Чукичева, поставивший здесь базовое зимовье. Там же и почти одновременно с отрядом Ф. Чукичева оказалась группа торгового человека Алексея Яковлева Усольца, к которой присоединились беглый красоярский казак «Пронька» Фёдоров Травин (Травник) и Фома Яковлев из отряда Ф. Чукичева (10, с. 54).

10 марта 1658 г. отряд Ф. Чукичева ушёл на р. Чендон (Гижигу), где казаки поставили своё второе (Чендонское) зимовье, а годом позже на рр. Парень и Чендон ушла и группа А. Усольца и Проньки Травника. В 1660 г. из Нижне-Колымска в поход на «закаменные реки» с «одинадцатью человеками» (включая И. Камчатого) вновь отправился Ф. Чукичев, отряд которого в следующем году полностью погиб в этих же местах. В 1661 г. в верховье Омолона был послан служилый человек Иван Михайлов Хворый с заданием «*принять ему у служилого человека у Федьки Чюкичева острожек и в острожке аманатов*» (6, с. 213). И, наконец, в 1664 г. в районе Омолона, Баранихи, Парени и Чендона собирали ясак казаки Иван Ефремов, Игнатий Савин, Прокопий Тимофеев, Григорий Алексеев и Онисим Максимов, а в 1665 г. – Первуха Максимов и др. (13, с. 35–36).

Кстати, говоря об этих казаках, Б. П. Полевой добавил: «*Несомненно* (здесь и далее выделено мною. – В. Б.), *некоторые из них смогли побывать и на Камчатке*» (там же, с. 36). Однако действительно несомненным во всём этом является лишь то, что ко времени отправления отряда И. Ермолина на «закаменные реки», колымским властям и обитателям Нижне-Колымска выход по р. Омолон и его притокам на побережье Охотского моря в районе Гижигинской губы был извещен достаточно хорошо.

Тем не менее, в описаниях похода И. Ермолина имеются разночтения, обусловленные не только невнимательным анализом ландшафтной обстановки мест характеризуемых событий, но и разноречивостью самих первичных данных. К примеру, колымский приказчик, сын боярский В. Катаев в своём сообщении в Якутск от 21 июля 1665 г. написал: «...посылал на тех неясачных ламуцких людей в поход служилых и промышленных людей Ивашка Ермолина с товарищи, и тех ламуцких людей нашли вверх Ковыми реки» (6, с. 215). Из чего следует, что, изначально, И. Ермолин был послан в поход на верховья Колымы и лишь оттуда мог попасть на Омолон и выйти по нему к Чендону.

Однако Б. П. Полевой по этому поводу написал иное: «В 1665 году колымский приказчик Григорий Татаринов решил послать казака Ивана Ермолина „для прииска новых земель и на неясачных юкагирей и коряков и на ламутских мужиков и на чюванских юкагирей...” Через Колыму, Омолон, Пенжину, Парень он вышел к Гижиге в бывшее Чендонское зимовье Чюкичева. Зимой 1665–1666 гг. Ермолин и его спутники „жили у моря в коряках...”» (10, с. 25). И если согласиться с этим утверждением историка, то получается, что отряд И. Ермолина был отправлен в поход не В. Катаевым, а Г. Татаринковым. И, притом, сразу же на Чендон. Так что нам остаётся лишь гадать – какой из этих двух вариантов верен.

Не менее спорным является и предположение Б. П. Полевого о продвижении отряда Ермолина к Чендону по нынешним рр. Пенжине и Парени. Ибо он совершенно не обратил внимания на то, что казакам пришлось бы при этом пройти 125 км от устья Баранихи до истоков Пенжины, затем проследовать около 650 км по самой Пенжине (длина которой составляет, по разным оценкам, 708 или 713 км) и, наконец, от её низовья выйти к р. Парени, пройти по ней и по р. Чёрной к устью Чендона и подняться по нему до Чендонского острожка, преодолев при этом ещё около 350 км. А так как реальный путь всегда больше, чем измеренный по карте, то в общей сложности казаки должны были пройти не менее 1200 км.

Однако замечу, для того, чтобы пройти 400 км от р. Анадырь до острожка Аклан, отряду Михаила Стадухина на лыжах с нартами потребовалось почти полных два месяца – то есть восемь недель. Многим позже, и уже другие казаки, сообщали, что путь в 1500 км (по прямой) «...от Анадырского острожку до Камчатки реки ходят по речкам, и через хребты в походы служивые люди недель по пятнадцати, и по двадцати» (1, с. 28). То есть скорость передвижения землепроходцев с задержками на отдых и на непогоду колебалась от 50 до 100 км в неделю. Так что на преодоление 1200 км по рр. Баранихе, Пенжине и Парени казакам И. Ермолина пришлось бы потратить, как минимум, 12 недель.

К тому же, напомним, в «Отписке Якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому служиваго человека Фёдора Чукичева о действиях его на реке Чендон» по поводу пути к Чендону и времени продвижения по нему говорится: «Во 166 году пошёл я Федька Чюкичев с Омолона реки от усть Баранихи, марта в 10 день на Чендон реку с аманаты, а ходу всего с усть Бараниха на Чендон до Антуева острожку три недели и с простоем» (7, с. 147). То есть весь путь от устья р. Баранихи до верховьев Чендона занял у отряда Ф. Чукичева всего лишь три недели. А поскольку за такой срок пройти 1200 км казаки никак не могли (см. выше), то они явно следовали к Чендону не круглым маршрутом по нынешней р. Пенжине, а другим, гораздо более коротким (прямым) путём. Как наверняка следовал этим же путём и отряд И. Ермолина. Но в таком случае закономерно возникает вопрос: а по каким конкретно местам (рекам) пролегал этот путь?

Ответ на него даёт ландшафтно-ситуационный анализ происходивших событий, который показывает, что у отряда Ф. Чукичева, как и у отрядов и групп других землепроходцев, было три варианта относительно прямого следования к верховьям р. Чендон.

По первому из них, длиной около 200 км, казаки вполне могли бы по самому Омолону выйти к его правому истоку и, перевалив через Гыданский хребет (ныне Колымское нагорье), сразу же оказаться в верховье Чендона. При этом особо подчеркну, что им пришлось бы всего только один раз пересечь хребет и совершенно не нужно было бы следовать к Чендону по Пенжине, какую бы реку под этим именем не понимать. Однако, поскольку казаки Ф. Чукичева, по их же словам, дважды преодолевали горные массивы и проходили далее долиной р. Пенжины, то этим путём они явно не ходили.

Второй путь длиной около 250 км предполагает продвижение вверх по Омолону к его, следующему после р. Баранихи, большому правому притоку, от истока которого казаки через пологий и низкий перевал, отделяющий бассейн Омолона от бассейна р. Парени, без особых затруднений могли спуститься в долину этой реки. А затем, перевалив от среднего её течения через большой

отрог Колымского нагорья, выйти к верховью р. Чендон. Что, кстати, вполне соответствует данным землепроходцев.

Не противоречит их данным и третий, длиной до 300 км, путь, который предполагает движение по р. Баранихе к истокам р. Парени и затем от её среднего течения через тот же отрог Колымского нагорья к верховью Чендона.

Как можно видеть, наиболее вероятными вариантами продвижения отряда Ф. Чукичева к Чендону являются второй и третий пути длиной не более 300 км. Причём, если ранее мы (3) посчитали таковым путём третий вариант, то сейчас склоняемся ко второму. Потому что, как нам удалось уточнить позднее, именно по широкой долине р. Парени и затем через невысокий и пологий перевал, ведущий к долине Омолона, оленные коряки Гижиги и Парени выходили к омонским сидячим юкагирам и разоряли их стойбища.

Но тогда возникает ещё один (и куда как более принципиальный) вопрос: а каким образом возникло предположение о круглом пути по нынешней р. Пенжине? Ответ на него, пусть бы и невольно, даёт сам же Б. П. Полевой.

И в самом деле, отталкиваясь в этом своём суждении от обнаруженных им в архивных материалах данных: «...ходу до Чендона реки от ковымского Нижнего зимовья на судах по Омолоне реке вверх восемь недель до Пенжинского хребта, и по хребты идти на нартах до Пенжины реки две недели, да по Пенжине реке идти до Чендонского хребта десять дней, а по хребтам идти на нартах до Чендонского зимовья восемь дней...» (12, с. 121), он, тем не менее, не обратил при этом внимания на то, что отряд Ф. Чукичева, перевалив через Пенжинский хребет, прошёл по р. Пенжине к Чендонскому хребту, отделяющему р. Пенжину от р. Чендон. Не уделил он должного внимания тому, что казаки, прежде чем достичь Чендона, дважды пересекали горные хребты, тогда как при движении по Баранихе к р. Пенжине нужно было бы преодолеть всего лишь один (Гыданский – ныне Колымское нагорье) хребет, отделяющий бассейн Омолона от бассейна Пенжины.

Иначе говоря, Б. П. Полевой не понял, что, следуя долиной нынешней Пенжины, казаки подошли бы к современному Пенжинскому хребту, перевалив через который они оказались бы на Паранском долине, в 300 км по прямой от Чендона, а не на самом Чендоне.

Не придавал он значения тому, что и Ф. Чукичев, и И. Ермолин ничего не говорили о р. Парени. И не говорили потому, что, перейдя через Пенжинский (в понимании омонских юкагириков) хребет и зная при этом от юкагириков о том, что сразу за Пенжинским хребтом располагается р. Пенжина, казаки первую после спуска с перевала реку вполне резонно назвали Пенжиной (3). Отчего они подлинную Пенжину (ныне Гижига) приняли за Чендон. Что, кстати, подтверждается данными тех чертежей С. Ремезова, на которых известный картограф раз за разом «размещал» р. Пенжину на месте современной Гижиги.

Ну и наконец ко всему сказанному остаётся добавить, что казаки Ф. Чукичева и И. Ермолина ничего не говорили и о коряжских острожках Аклан, Каменный, Усть-Таловский (он же Усть-Пенжинский, Косухин), Ловаты, Ярнечек, Агача (Егача), Микино, Тылхой, Куэл и Парень, расположенных в устьях рек, впадающих в северную часть Пенжинской губы. Как, кстати, ничего не говорили об этих же острожках Григорий Лазарев, Андрей Самойлов, Гуляка(?) Фёдоров, Иван Ефремов, Игнатий Савин, Прокопий Тимофеев, Григорий Алексеев, а также Онисим и Первуха Максимовы, которые, по мнению Б. П. Полевого, не только, якобы, проживали в 1664–1665 гг. на Пенжен-реке, «но и **несомненно** ходили оттуда на Камчатку» (13, с. 35–36). Но так ли это – **несомненно**?

И действительно, если бы все названные землепроходцы к Охотскому морю выходили по современной Пенжине к р. Парени и по ней к Чендону (или, наоборот, от Чендона по Парени следовали бы к устью Пенжины), то они бы в своих отписках непременно упомянули хотя бы об одном из этих острожков. Ибо основной целью их походов было приведение к ясаку местных жителей. Однако впервые о жителях р. Парени, да и то спустя два десятка лет после похода И. Ермолина, упомянул Дмитрий Потапов: «...а иных де сторонних рек коряки чендонские и паренские твоего великого государя ясак платить не хотят и аманатов не дают» (13, 1997 б, с. 181). Не сказав, кстати, при этом ни единого слова о рр. Пенжине и Камчатке. Да и не мог он этого сказать, поскольку, как отмечал Б. П. Полевой (там же), Д. Потапов из-за «малолетства» был не в состоянии ходить даже на коряков Чендона и Парени.

Что же касается причин появления всех этих заблуждений Б. П. Полевого, то надо полагать, в их основе лежало ложное представление историка о походах юкагириков по рр. Индигирке и Колыме к Омолону. Вот как он сам изложил эту версию: «В 1645 году на Индигирке русские впервые столкнулись с юкагирами, которые со своими оленями часто ходили через верховья Колымы вдоль Гыда-

на к реке Пенжинины (так в авторском тексте. – В. Б.) и оттуда через Парень к верховьям Гижиги...» (12, с. 32–33). А чуть ниже дополнил: «...в прошлом индигирские и колымские юкагиры уходили на очень далёкие промыслы, в том числе на Пенжинину и Парень и оттуда на верховья „Чендона” („Гижиги”))» (там же, с. 37).

Однако на самом деле впервые русские встретились с юкагирами ещё во время выхода на р. Индигирку отряда Посника Иванова. «И в прошлом де, государь во 146(1638) году, он Посничко с 27 человек пошли коньми с Янги вверх по Толстаку реке на Индигирскую реку в Юкагирскую землицу, и шол де государь, он по Толстаку и через хребты до Индигирской вершины, многими неясчными Тунгусами Ламутками, а на Индигирской реке вниз до Юкагирской землице, четыре недели» (5, с. 241–242). И уже одно только это побуждает усомниться в истинности представлений о проходах индигирских юкагиров по верховьям Индигирки и Колымы к верховьям Омолона и оттуда – к рр. Пенжина, Парень и Чендон.

К тому же нужно помнить, что основной (коренной) ареал обитания оленных юкагиров приурочивался к Яно-Индигирской и Колымской низменностям, поскольку вся их жизнь была связана с охотой на диких оленей, огромные стада которых обитали в пределах этих обширных равнин и прилегающих к ним предгорий (4, с. 169). Тогда как в узких, зажатых между гор, средних и верхних частях долин Индигирки и Колымы оленьих пастбищ было настолько мало, что обитающие там оседлые юкагиры занимались охотой на лосей и ловлей рыбы (там же). Что также исключает возможность регулярных перемещений юкагиров по долинам Индигирки и Колымы.

Обратившись к современной физико-географической карте Северо-Востока Азии (рис. 1 – здесь и далее см. CD-приложение к сборнику материалов XXXV Крашенинниковских чтений. – Ред.), нетрудно увидеть, что при движении по р. Индигирке, общая длина которой составляет 1 726 км, юкагирам пришлось бы проделать путь от нижней трети её долины, протягивающейся в юго-западном направлении, к средней её части, вытягивающейся в меридиональном направлении. А затем проследовать по её верхнему участку, который постепенно поворачивает к юго-востоку, к истокам р. Аян-Юрах – одному из двух истоков р. Колымы. Вследствие чего путь по средней и верхней Индигирке выглядит в виде огромной дуги длиной около 1 200 км.

То же самое можно сказать и относительно р. Колымы, которая на протяжении своих верхних 1 200 км сначала следует на юго-восток, затем резко поворачивает на северо-восток и наконец столь же резко устремляется к северо-западу, вплоть до устья р. Ожогоиной, откуда вновь отворачивает к северо-востоку (рис. 1), отчего расстояние между средними участками рр. Индигирки и Колымы (между устьями р. Бадерихи – правого притока р. Индигирки и р. Ожогоиной – левого притока р. Колымы) составляет всего лишь около 375 км. А так как широкие и низменные долины этих двух последних рек обладают богатыми оленьими пастбищами, то оленные юкагиры (эти «ковбои» Северо-Востока, ибо они ездили на оленях верхом) при своих переходах от Индигирки к Колыме и обратно явно следовали этим кратчайшим путём, а не делали почти полный и огромный – 2 400 км – круг через верховья Индигирки и Колымы.

Кстати, Б. П. Полевой в своей статье «О происхождении названия „Камчатка”» привёл по этому поводу следующее высказывание М. И. Белова: «В середине XVII в. существовал путь с Индигирки на Колыму, который шёл „по Индигирке, далее по её притоку Бодярихе и реке Камчатка, истоки которой находятся вблизи реки Ожогоиной, притока Колымы”» (9, с. 21). А затем специально подчеркнул, что путь этот стал известен русским ещё в середине 1650-х гг. (12, с. 118). И в этом свете его мнение о том, что юкагиры от Индигирки до Колымы ходили круглым путём, выглядит очень странным.

Что же касается дальнейшего пути от устья р. Ожогоиной к Чендону, то юкагиры при этом следовали на юго-восток по самой Колыме, а затем по её правым притокам (Коркодону или Сугою) выходили к истокам Омолона, от которых, что называется, рукой подать (рис. 1) до верховий нынешних рр. Наяханы, Большой Гарманды и Гижиги. А так как современная Пенжина располагается многим западнее всех этих рек, то у юкагиров не было ни нужды, ни, тем более, желания обходить верховья Чендона с севера только для того, чтобы проследовать долиной современной Пенжины почти до самого её устья, пройти затем вдоль всего северного побережья Пенжинской губы к рр. Парени и Чёрной и уже только после всего этого вновь выйти к Чендону (Гижиге), но уже с противоположной от рр. Колыма и Омолон стороны.

Ходили юкагиры от Индигирки к верховьям Чендона и другим путём. При этом они преодолевали около 500–550 км от среднего и нижнего участков её долины к низовьям р. Омолон,

а далее следовали его долиной до устья р. Баранихи. И уже оттуда, указанными выше путями, напрямую выходили к Чендону.

Таковым выглядит расклад маршрутов юкагиров в свете тщательного ландшафтно-ситуационного анализа. Однако историки и краеведы, не сумев разобраться во всей этой геоисторической ситуации, практически однозначно посчитали, что и сами землепроходцы, и пользующийся их данными С. Ремезов под рекой Пенжиной понимали нынешнюю реку с этим названием, а потому и «отсылали» отряды первопроходцев на современную Пенжину и оттуда – на Камчатку, как тот же Б. П. Полевой, который категорически утверждал, что служилые, промышленные и гулящие люди в 1660-е гг. не только выходили к Чендону по нынешней р. Пенжине, но ещё и побывали при этом на полуострове Камчатка (11, с. 149). Почти то же самое говорил и другой известный историк Ф. Г. Сафронов: «В 1665 г. казак Иван Ермолин с отрядом по наказу колымского приказчика с верховьев Омолона вышел на Пенжину, а оттуда через р. Парень – в Гижигу» (14, с. 27).

А ведь даже самый беглый взгляд на современную физическую карту показывает, что для того, чтобы от истоков Омолона выйти к истокам нынешней Пенжины, нужно было либо обойти с северо-запада значительную часть Колымского нагорья, либо пересечь по горам этого же нагорья и его отрогов верховья Большой Гарманды, Гижиги (Чендона) и Парени (рис. 1). Так что предположение о выходе казаков И. Ермолина к Чендону по нынешней Пенжине всего лишь запутывает ситуацию.

Столь же запутанная ситуация складывается и с определением места и времени пребывания отряда И. Ермолина на побережье Гижигинской губы. Так, например, Б. П. Полевой утверждал: «Жил он преимущественно на Пенжине и Гижиге. **Вероятно**, он бывал и на северных реках западного берега Камчатки» (13, с. 34). Но если признать, что отряд И. Ермолина к Чендону вышел по р. Парени, то версия об его проживании на нынешней р. Пенжине выглядит весьма сомнительной. Тем более, сам И. Ермолин об этом говорил так: «...за камнем на Чендоне реке прожил „восемь годов без перемен... был де он на Чендоне реке у моря для приisku новых земель и неясных юкагирей и на море у Таина камня (полуостров Тайгонос)...”» (там же). Ибо из этих данных следует, что первый поход И. Ермолина на Чендон мог начаться ещё в 1650 г. (1658 г. – год возвращения в Якутск минус 8 лет). И что быть в 1665 г. в Нижне-Колымске он никак не мог.

Что же касается деятельности отряда И. Ермолина в районе устья нынешней Гижиги, то казаки вряд ли уходили к востоку далее западного побережья полуострова Тайгоноса. Это подтверждается обнаружением казаками летом 1666 г. на полуострове Тайгоносе жемчуга, с которым И. Ермолин отправил в 1666–1667 гг. с Чендона (а не с Пенжины) в Нижне-Колымск служивых людей Акинфейку Сырцова и Григория Постникова (там же, с. 35). А так как в том же году И. Ермолин уже и сам прибыл в Нижне-Колымск, то побывать на р. Пенжине, сходить от неё на север Камчатского полуострова, преодолев при этом около 1 000 км только в одну сторону, а затем вернуться оттуда на Чендон и уйти от него за 1 000 км в Нижне-Колымск он, судя по приведённому выше расчёту скорости и времени движения землепроходцев, за неимением времени просто не мог.

Ну и, наконец, скажу несколько слов о втором походе И. Ермолина на Чендон, о котором Б. П. Полевой, ссылаясь на фразу из отписки И. Ермолина, сказал так: «*Поезжаючи великого государя на службу на Пенжину и на Камчатку и на Омолон реки*» (там же, с. 33). Повторив при этом, что и в 1668 г., казаки от устья р. Баранихи к Чендону добирались по нынешней р. Пенжине. И добавив, что «...вне всякого сомнения, Иван Ермолин и его спутники рассчитывали побывать и на полуострове Камчатка, и его главной реке» (там же, с. 33–34). Тем не менее, сомнения всё же возникают.

Дело в том, что далее Б. П. Полевой, опять же опираясь на данные И. Ермолина, сказал, что в 1669 г. казак со своим отрядом был отправлен «...на службу на новую на Пенжен реку (для) приводу под царскую высокую руку новых землиц и для приisku жемчугу и узорочного камня» (там же, с. 35). Но если при первом своём пребывании на Чендоне казаки обнаружили жемчуг на полуострове Тайгоносе, то И. Ермолин и в этом случае под Пенжиной явно понимал ту реку, в устье которой он поставил своё зимовье. И подразумевал так, надо понимать, потому, что пребывая в первый раз в низовьях Чендона и длительно общаясь с тамошними оседлыми коряками, он узнал от них (как, на мой взгляд, об этом ранее узнал и М. Стадухин), что коряки (в отличие от юкагиров) именовали эту реку не Чендоном (Гижигой), а Пенжиной.

В пользу этого предположения свидетельствует и ситуация, связанная с возникновением нескольких Чендонских поселений на Северо-Востоке Азии.

И в самом деле, Ф. Г. Сафронов, например, утверждал, что «в 1639–1641 гг. в устье р. Чендон, впадающей в Ледовитый океан недалеко к востоку от Яны, существовало Чендонское зимо-

вье» (14, с. 20). А в 1670–1681 гг., продолжает он, зимовье под таким же названием существовало и в среднем течении нынешней р. Пенжины (там же, с. 21).

Ещё более подробные сведения о Чендонских поселениях приводит А. С. Зуев, который специально подчеркнул, что время и места их основания не вполне ясны вследствие крайней скудности информации, содержащейся в источниках, а также в результате несовпадения гидронимов и топонимов XVII в. с современными (6), что, продолжил он, зачастую делает невозможным точную привязку этих топонимов к местности. И в подтверждение этих слов привёл следующий список острожков с этим названием: «*Одно Чендонское зимовье упоминается в 1650–1660-х гг. на устье р. Барановой (она же, вероятно, Быстрая или Кегали), впадающей в Омолон. Другое – в 1657 году (на самом деле в 1658 г. – В. Б.), возможно, в верховьях р. Гижиги (которая в то время называлась также Чендоном) основал Фёдор Чукичев. Третье стояло в среднем течении р. Пенжины (также называвшейся одно время Чендоном) у устья р. Часовишной и функционировало там в 1670–1681 гг. Острог на р. Чендон (Гижиге) отмечен на „Чертеже вновь Камчадальской земли“ (около 1700 г.).*

В 1708–1709 гг. упоминается Чендонский корякский острожек, стоявший на р. Гижиге. Видимо, его изображение дано на „Карте мест, от реки Енисея до Камчатки, лежащих“ (известной также как „Якутская карта 1710–1711 гг.“ Ф. Бейтона)» (6, с. 282–283).

Удивительно, но ничего об этом «путешествии» имени «Чендон» (рек и острожков) не говорил Б. П. Полевой, хотя он и утверждал, что «...в конце 1660-х годов перестало существовать Чендонское зимовье в верховьях Гижиги, и Пенжинское зимовье осталось единственным русским зимовьем на подступах к полуострову Камчатка» (13, с. 36), явно подразумевая под этим зимовьем тот острожек, который был поставлен возле устья р. Часовишной – притока р. Пенжины, и которое было названо Чендонским именно потому, что поставившие его казаки были уверены в том, что они попали именно на тот самый Чендон, о котором им рассказывали участники походов Ф. Чукичева и И. Ермолина. Поэтому и сама р. Пенжина, на которой стояло это Чендонское зимовье, одно время также именовалась Чендоном (см. выше).

Впрочем, очень скоро данное зимовье стало именоваться Пенжинским. Вслед за ним и сама река, на берегу которой оно стояло, также стала называться Пенжиной. И произошло это двойное переименование потому, что землепроходцы того времени, в основной своей массе, не умели рисовать достаточно достоверных чертежей. А потому казаки нередко воспринимали одну реку за другую – вспомним, например, о р. Анадырь, которую землепроходцы некоторое время принимали за Погычу.

Иначе говоря, именно исчезновение чукичевского зимовья на нынешней р. Гижиге, и появление нового Чендонского зимовья на современной Пенжине и послужило причиной того, что Б. П. Полевой «...единственным русским зимовьем на подступах к полуострову Камчатка» назвал зимовье, поставленное в устье р. Часовишной.

Уже в 1681 г. это зимовье было разгромлено и сожжено коряками. Причём следы его пребывания исчезли настолько быстро, что анадырский приказчик Михаил Зиновьевич Многогрешный (Черкашин), прошедший в 1693 г. по р. Пенжине до самого её устья (6, с. 228; 14, с. 27), ни единым словом не обмолвился об его существовании. Ничего не говорили о существовании русского зимовья на нынешней Пенжине и Л. Морозко с В. Атласовым.

Тем не менее, именно появление этого Чендонского зимовья с последующим его переименованием в «Пенжинское» привело к тому, что река, на которой оно стояло, приобрела своё нынешнее название «Пенжина». Другое дело, что ещё целых 20 лет, вплоть до 1701 г., эта река ассоциировалась с нынешней р. Гижигой, о чём позволяет судить «Ремезовский этнографический чертёж Восточной Сибири» от 1701 г., на котором знаменитый картограф четыре известные ему пенжинские зимовья привязал к реке, впадающей в огромное озеро, именуемое Пенжинской губой (рис. 2).

Однако при этом нелишне будет напомнить, что из данного озера-губы «вытекает» длинная протока, также именуемая Пенжинской губой, и что сама эта протока-губа впадает в Пенжинский залив (Penzynse bay). А потому под этим заливом следует понимать западную половину современного залива Шелихова, северным продолжением которого является Гижигинская губа, о чём позволяет судить и то, что на указанном чертеже юго-западная оконечность этого залива от устья р. Тауй отделяется явно выраженным полуостровом, каковым в реальности может быть только современный двойной полуостров Кони-Пьягина, отграничивающий с запада юго-западную часть нынешнего залива Шелихова (рис. 1).

Итак, говоря иначе, впадающую в Пенжинскую озеро-губу реку действительно можно и нужно воспринимать за нынешнюю р. Гижигу. И надпись: «*р. Пенжень, падёт в губу. А живут на ней неясашные иноземцы юкагиры*», приуроченная на этом же чертеже к верховью Пен-

жины (рис. 2), дополнительно это подтверждает, ибо на современной Пенжине оседлые юагиры никогда не жили (15).

Но коли так, то самое верхнее Пенжинское зимовье этого «Чертежа» действительно следует считать Чендонским острожком, поставленным отрядом Ф. Чукичева; два средних зимовья – Антуевым и Чепчугиным острожками оседлых коряков, а самое нижнее зимовье – острожком И. Ермолина. И, надо думать, что именно это последнее зимовье историки и краеведы отождествляли с тем Пенжинским (Чендонским) острожком, который некоторое время существовал на нынешней р. Пенжине. Дополнительно подтверждают это и данные Дмитрия Потапова.

Впрочем, прежде чем продолжить разговор о походах Д. Потапова, стоит заметить, что обычно исследователи речь об этом землепроходце начинают с приведения одной и той же надписи, расположенной на «Ремезовском этнографическом чертеже Восточной Сибири»: «*Камчатка, а живут по ней неясашные камчадалы, платье на них собачье, и соболе, и лисье, а луки у них маленьки усовые на жилах с тово переводу, что роженцы. А послан на те реки из Якуцково в коряки казак Дмитрий Потапов 194 (1794) году*» (1, с. 28). А поскольку эта надпись размещается на том же полуострове, на котором располагается и р. Камчатка (рис. 2), то практически все историки и краеведы считали, что Д. Потапов смог, якобы, побывать не только на побережье Гижигинской губы, но и на Камчатском полуострове.

Однако они при этом не приняли во внимание то, что С. Ремезов разместил эту надпись здесь потому, что он, пусть бы и невольно, отождествил её с суждением «Первой скаски» В. Атласова об ительменах Камчатки: «*А ружья у них – луки усовые, стрелы каменные и костяные, а железа к ним не родитца*» (8, с. 72). И лишь после личной встречи с атаманом в конце 1701 г., он сумел-таки разобраться в ситуации, сняв на «Карте, составленной по данным Кубасова (Атласова), 1701 г.» надпись Д. Потапова с «острова Камчатого» (рис. 3).

Полностью с ним в этом согласился и Б. П. Полевой, написавший, что «...в обоих случаях (в двух походах. – В. Б.) Дмитрий Потапов ходил не на Камчатку, а на Охотское побережье – на реки Вилига и Тобон» (13, с. 63, 181). Причём, надо полагать, привязывая первый поход Д. Потапова к 1691 г., он отталкивался от данных, содержащихся в отписке, сочинённой в Верхне-Колымске: «...пришли с камени ис коряк служилые люди в Верхнее зимовье десятник казачей Митька Потапов, да с ним рядовые казаки Мишка Боглой, Ивашка Григорьев. Они доставили соболя, красных лисиц да „опытен жемчужной“» (там же, с. 63). Туда же Д. Потапов был послан и в 1696 г. (там же). Но при этом он так ни разу и не сказал, что выходил к Пенжинской губе. Да и не мог сказать, так как из-за «малолетства» он не побывал даже на Чендоне и Парени (там же, с. 181).

Таковой выглядит геоисторическая ситуация с рр. Чендон, Парень, Пенжина и Гижига. Что же касается дальнейшей судьбы самого И. Ермолина, вновь отправленного 14 июня 1669 г. из Якутска на побережье Ламского моря, то, потеряв в низовьях р. Колымы большую часть продовольствия и товаров для обмена на пушнину, он всё же решил отправиться к Чендону (Гижиге), рассчитывая при этом, как пишет Б. П. Полевой, на пополнение своих запасов на морском побережье (там же, с. 35), а также на помощь промышленных людей, якобы обитающих в это время на Чендоне (там же). Однако, скорее всего, в этом году в тех местах случился недоход лосося в реки, что эпизодически бывало и ранее, и в наше время. Так что промышленные люди, даже если они и пребывали в то время в устье Гижиги, не смогли, как и тамошние оседлые коряки, заготовить нужного для длительной зимовки количества рыбы. И не исключено, что именно это привело к гибели казаков И. Ермолина. Впрочем, вполне возможно, что их, ослабевших от голода, перебили оседлые коряки, что, кстати, не так уж редко случалось со служивыми, промышленными и гулящими людьми того времени, надолго и далеко оторвавшимися от своих базовых острожков и зимовий.

Так трагически завершился жизненный путь одного из самых выдающихся первопроходцев Северо-Востока Азии, усилиями которого был окончательно установлен путь от Нижне-Колымска по Омолону и от верховий последнего к Чендону (Гижиге) и на побережье Гижигинской губы, что и позволило позднее якутским властям наладить более или менее регулярное зимнее почтовое сообщение с Камчаткой через Охотск и Гижигинскую крепость.

1. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке. XVII–XVIII вв. / под ред. А. В. Ефимова. М. : Наука, 1964. 135 с.
2. Атлас СССР. М. : Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1983. 259 с.
3. Быкасов В. Е. А мог ли Иван Камчатый быть на Камчатке? // В путь за непознанным : мат. XXXIII Крашенинников. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2016. С. 41–49.
4. Гурвич И. С. Юагиры. Этническая история народов Севера. М. : Наука, 1982. С. 168–180.

5. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею. СПб. : Тип. Э. Праца, 1846. Т. 2. 279 с.
6. Зуев А. С. Русские и аборигены на Крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. // Тр. гуманитар. фак. Новосиб. гос. ун-та. Новосибирск, 2002. 330 с.
7. Отписка Якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому служиваго человека Фёдора Чукичева о действиях его на реке Чендон // ДАИ. 1851. Т. 4. С. 147–148.
8. Первая «скаска» Вл. Атласова, 1700 г. // Колумбы земли русской : сб. документ. описаний об открытиях и изучении Сибири, Дал. Востока и Севера в XVII–XVIII вв. Хабаровск, 1989. С. 69–76.
9. Полевой Б. П. О происхождении названия «Камчатка» // Норд-Ост. Петропавловск-Камчатский, 1984. С. 11–34.
10. Он же. Открытие Камчатки со стороны Пенжины // Там же. С. 51–62.
11. Он же. К 300-летию камчатского похода Л. С. Мороско 1695–1696 гг. // Краевед. зап. Петропавловск-Камчатский, 1995. Вып. 9. С. 148–162.
12. Он же. Новое об открытии Камчатки. Часть первая. Петропавловск-Камчатский. : Камч. печ. двор, 1997. 159 с.
13. Он же. Там же. Часть вторая. 203 с.
14. Сафронов Ф. Г. Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М. : Наука, 1978. 258 с.
15. Этническая история народов Севера. М. : Наука, 1982. 269 с.

Т. В. Воробьева
КРУГОСВЕТНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ
МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние организации кругосветных экспедиций на развитие российских географических исследований и деятельность Российско-Американской компании.

Ключевые слова: кругосветные экспедиции, Российско-Американская компания, колония, морские офицеры, сибиряки.

Abstract. The article examines the influence of the organization of Round-the-World expeditions on the development of Russian geographic studies and the activities of the Russian-American Company.

Key words: Round-the-World expeditions, Russian-American company, colony, naval officers, Siberians.

Прошло уже более 150 лет с той поры, как была продана Российско-Американская компания (РАК). История этой единственной заокеанской колонии России до сих пор будоражит умы как исследователей, так и любознательных читателей. Это вполне закономерно, поскольку события давно минувших дней порой определяют направление развития на столетия.

Известно, что одной из серьезнейших проблем Русской Америки была поставка продовольствия и товаров. Тяжелейший путь через всю Сибирь до Охотска, оттуда – морем, через Камчатку к Ново-Архангельску, проложенный Витусом Берингом, повторяли российские промышленники и все, кто отправлялся в Русскую Америку. Тяготы такого путешествия описывали многие. В работе «Обеспечение русской пушной торговли» канадский историк Дж. Гибсон приводит таблицу количества груза и лошадей, отправляемых государством из Якутска в Охотск с 1773 по 1833 г. Она свидетельствует, что ежегодно снаряжалось в среднем от 6 до 10 тыс. лошадей (2, р. 100). Поселения вдоль тракта были редки, поэтому помощь в пути становилась почти недоступной для уставшего конвоя и животных. В дополнение ко всем этим препятствиям необходимо добавить беглых преступников с соляных работ близ Охотска, совершавших нападения на караваны, ненадежных якутских проводников, воровавших или выбрасывающих грузы, коррумпированных русских чиновников и подрядчиков, обманывавших якутских снабженцев и растрчивавших имущество компании, и, наконец, безразличных и некомпетентных рабочих, ремонтировавших тракт. Неудивительно, что большая часть животных и провизии, отправлявшихся из Якутска, не достигали Охотска, а те, которые прибывали, были искалечены и испорчены (3, р. 61). Об этом писал и И. Ф. Крузенштерн: «Великое отдаление и чрезвычайные в перевозе всякого рода вещей затруднения, к чему употреблялось ежегодно более 4 тыс. лошадей, возвысили цены на все даже и в Охотске до крайности.